

УДК 940.2.

О.В. Хазанов

**«ТОРА, ВЫРАЖЕННАЯ СЛОВАМИ...»:
ТЕКСТ В ИСТОРИЧЕСКОЙ СУДЬБЕ ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА**

Рассматривается роль текста в еврейской религиозной и культурной традиции, а также становление традиции еврейской учености в древности и Средние века и ее преобразующая роль в условиях модернизации еврейского общества.

Ключевые слова: текст, традиция, учеба, наука, историзм, эмансипация.

Любая культура, имеющая древнее происхождение и вышедшая на уровень цивилизации, тем или иным образом формулировала свое отношение к ТЕКСТУ. Можно с некоторой категоричностью утверждать, что все новое смыслообразование в рамках цивилизации с определенного момента времени происходит вокруг некоторого набора текстов, даже если они длительное время существуют в устной форме – тогда создается сложный механизм дословного (даже добуквенного и дозвукового) их сохранения и передачи из поколения в поколение.

Очевидно, что в отличие от архаической эпохи, эпоха текстологическая порождает гораздо больший спектр смыслов, идей, доктрин, получающих текстологическое обрамление. Интересной проблемой является не только сопоставление сюжетных линий и жанров произведений, порожденных в разных культурных традициях, но и их отношения к ТЕКСТУ как таковому.

«Дао, выраженное словами, не есть истинное Дао», – в этой, ставшей хрестоматийной фразе из трактата «Дао-дэ-цзин», выражена вся глубина китайского недоверия к возможности посредством текста передать глубинную суть религиозного учения. Авраамистическая традиция в целом и стоящая у ее истоков еврейская традиция относятся к тексту иначе. Каждая буква и каждый знак в Торе обладает абсолютной степенью святости и доверия к нему. Ни одному религиозному еврею никогда не придет в голову сказать: «Тора, выраженная словами, не есть истинная Тора». Интересной проблемой для исследователя является задача выявления истоков данного феномена, а также определение его значения для судеб еврейского народа.

Ключевую роль в формировании такого отношения к тексту в еврейской истории сыграл Вавилонский плен (VI в. до н.э.). Это был первый опыт галута (изгнания народа из Святой земли), когда произошел разрыв с Эрец-Исраэль и Храмом. При этом евреи, возможно, в силу присущей им ярко выраженной (а по меркам древности можно даже сказать гипертрофированной) рефлексии не признали поражение “своего” Бога, как это всегда было характерно для язычников. Для них изгнание стало свидетельством наказания. Идея о том, что «во всем виноваты евреи», – сугубо еврейская концепция, являющаяся одним из центральных мотивов выступлений библейских пророков (см., например, Ис. 5: 1–7).

Несмотря на изгнание, страстная жажда богообщения осталась. Вернуться было нельзя, хотя очень хотели (потом этот мотив также будет повторять-

ся). До сих пор евреи привыкли беседовать с Богом «напрямую». Традиционно это осуществлялось через храмовое жертвоприношение и через пророков. Но, согласно еврейским представлениям, прямое богообщение было возможно только в Эрец-Исраэль (поэтому так хотели вернуться).

И тут, в изгнании, происходит новый качественный прорыв – общение с Богом возможно ни через жертву, ни через медитацию (что было широко распространено на Востоке), а через ТЕКСТ. Причем сразу пришло осознание того, что текст "непрозрачен", т.е. его смысл невозможно выяснить из простого поверхностного чтения.

Новый способ богообщения предполагал, во-первых, наличие слоя людей, владеющих им в совершенстве (и здесь уже неважна была сословная принадлежность), и, во-вторых, уже в древности был провозглашен принцип, что каждый еврей обязан учиться (это тоже уникальное явление, которое сыграло решающую роль в последующей судьбе еврейства, особенно в новейший период истории). Учеба тем самым приобрела сакральный статус.

После завершения Вавилонского плена и возвращения в Эрец-Исраэль с восстановлением Храма главная роль вновь переходит к традиционному жречеству. Но новое сословие сохраняется. Более того, продолжает развиваться и совершенствоваться свое know how и требовать к себе соответствующего уважения. В результате формируется две «партии» – саддукеев и фарисеев. Начинается борьба между ними, нашедшая отражение в том числе и в Новом Завете.

Фарисеи гордились, что обладают Устной Торой. Саддукеи ее не признавали: зачем читать «письма», когда можно «поговорить напрямую»? Кроме того, в письменной Торе ничего не было сказано про Устную Тору.

После разрушения в 70 г. н.э. Второго Храма происходит все более явственный переход от «Текста» (ТаНаХ) к «Традиции» (Устная Тора) – к традиции работы тоже с ТЕКСТОМ, точнее теперь уже текстами [1].

Сначала фарисеи ссылались на ТаНаХ. Существовала устойчивая формулировка: «ибо написано...». Со временем появляется формула: «рабби... сказал...». Устная Тора получает статус, равный Торе Письменной. Следующий шаг – утверждение, что Моисей на горе Синай получил две Торы, следующий шаг – утверждение Гиллеля, что «у евреев есть только одна Тора, и это Тора Устная». В мидрашах при помощи специальных экзегетических приемов формируется образ библейских персонажей, живущих согласно заповедям раввинистического иудаизма («Берешит Рабба»).

Начав со статуса более низкого, чем Письменная Тора, Устная Тора обрела статус в каком-то смысле даже более высокий, что, в частности, выразилось и в том, что она была записана.

Многие века еврейская традиция работы с текстом не могла радикальным образом повлиять на статус евреев в мире. Но появившиеся у евреев Европы с началом эпохи эмансипации принципиально новые возможности впервые поколебали этот статус-кво. Евреям было предоставлено право доступа в запретные для них ранее сферы экономики, политики, науки, культуры. Перед ними были открыты двери школ и университетов, они получили право свободного проживания в любых городах, в том числе и в столицах.

На них более не накладывались никакие ограничения в занятиях, праве владения собственностью и участия в гражданском управлении. В результате за весь период XIX столетия облик европейского еврейства изменился до неузнаваемости. Если в конце XVIII в. оно находилось "на задворках" европейского общества, то к началу века XX многие его представители занимали уже ведущие позиции в самых важных областях духовной и материальной жизни европейских стран. Из периферийной общины евреи стали весомой частью авангарда интеллектуальной, политической, финансовой и научной элиты европейского общества [2. С. 18–19]. От страны к стране картина, конечно, могла отличаться: на Западе изменения происходили более интенсивно, чем в Восточной Европе, но в целом ситуация была универсальной.

Объяснение этой поразительной метаморфозы можно попытаться отыскать в присущем еврейской традиции особом культе учебы и знания, с одной стороны, и в архетипически заложенной в сознании евреев мессианской идее историзма, с другой. Как об этом говорилось выше, в самой еврейской традиции были заложены глубокие основания науколюбия. Их внешним выражением были и наработанные веками учебные навыки, и эвристические и мнемонические способности, и тематическое и проблемное богатство еврейского традиционного священнослужения, и сам человеческий пиетет к культуре учебного процесса. «Все это создавало существенные предпосылки для увлечения "эмансипированных" еврейских умов и сердец новой – посткартезианской познавательной парадигмой. Былое подвижничество хедеров, талмуд-тор и иешив стало отчасти замещаться подвижничеством в стенах европейских и – несколько позднее – североамериканских университетов, научных обществ, лабораторий» [3. С. 138].

Итак, можно отметить первую важную предпосылку для обращения евреев к европейской науке – это формирование у них харизматического отношения к знанию. Вторая важнейшая предпосылка состояла в изменении ситуации в интеллектуальной атмосфере европейского общества. Дело в том, что в новых условиях научная культура в глазах самих европейцев предстала в некоем мессианском ореоле. Она противопоставила себя отжившему священнослужительскому знанию. У нее появились даже свои "мученики". При этом наука сумела не только в теории предложить новое отношение к миру, но и на практике "доказать" реализуемость древней мечты человечества о наступлении "золотого века". Буквально на глазах нескольких поколений европейский мир с его стремительно растущим благосостоянием широких слоев населения, политической либерализацией, формированием отношений социального партнерства и взаимопомощи превращался в "царство Божие" на земле, причем на месте Бога оказывался освобожденный от оков религиозных догм человек. И здесь в обращении евреев к европейской культуре сыграла свою роль еще одна черта еврейского мирознания – его *историзм*, выделяющий еврейскую мысль из множества направлений традиционной религиозной мысли Востока. По этому поводу Е.Б. Рашковский пишет: «В отличие от великих религиозно-философских традиций Востока, еврейская идея геулы несла в себе отчетливо выраженный элемент историзма: речь шла не о просветлении и спасении "вообще", но о просветлении и спасении с

потоком исторического времени. Грозная, но притягательная идея истории... неизбежно присутствовала в самой мистической структуре еврейского исторического мышления... Возможно, что именно эта "западная", "европейская", а, по сути дела, исконно-библейская историческая составляющая традиционного еврейского мышления в какой-то мере определила то многозначное и даже энтузиастическое отношение части местечкового народа к процессу его внутренней социальной и интеллектуальной европеизации» [3. С. 137–138].

Мессианский идеал должен был непременно стать реальностью, и, как тогда казалось многим, сами факты истории свидетельствуют о стремительном приближении этого момента. А сложившаяся в XIX в. мировоззренческая парадигма с ее ярко выраженным онтологическим и гносеологическим оптимизмом [4] всячески укрепляла растущую в еврейском обществе убежденность в необходимости его скорейшего включения в процесс преобразования мира на основе новых заданных самим ходом европейской истории принципов. Удивительно, но, по всей видимости, тот же фактор, который когда-то заставил евреев отречься от Иисуса (я имею в виду неосуществленность в реальной исторической действительности значительной части пророчеств, характеризующих наступление мессианской эры), проложив тем самым непреодолимую метафизическую грань между ними и европейцами, в новых условиях этот же фактор привел многих из членов еврейского общества к признанию мессианского предназначения европейской науки и обращению к ней как к средству, которое только и может в действительности освободить человечество.

Литература

1. Шифман Л. От текста к традиции. История иудаизма в эпоху Второго Храма и период Мишны и Талмуда. М.; И., 2000.
2. Сейдель-Май Е. Иудаизм как цивилизация. Кн. 2: Иерусалим, 1996.
3. Рашковский Е.Б. Дискурс о заблудившемся коне, или Еврейское местечко (штетл) как исторический феномен // Восток. 2000. № 4.
4. Могильницкий Б.Г. История исторической мысли XX века. Вып. 1: Кризис историзма. Томск, 2001.